

Спектакли Московского 5 Малого театра

Одним из радостных признаков быстрого восстановления культурной жизни Ленинграда стали участвовавшие визиты москвичей, которые после войны начали с показа своих работ в полуконцертном исполнении, а теперь привозят по несколько больших, сложных постановок. В истекшем сезоне мы видели вахтанговцев, Камерный театр, Центральный театр транспорта, интересные работы студии имени Сталинского и Л. Лаккина, два спектакля старейшего русского театра, колыбели надежд, национального драматического искусства — Московского Малого театра.

«Дом Шенкина и Островского» вписал в историю мирового театра самые вдохновенные страницы: именно на его сцене выковывалось нестерпимое единство критического реализма Шенкина — Саловского и прогрессивного романтизма Мочалова — Ермоловой, сделавшее русский театр в идейном и художественном отношении самым передовым театром мира. В начале XX века Малый театр испытал жестокий кризис, из которого его вывела Октябрьская революция.

Бережно храня классическое наследие, Малый театр вносит свой вклад в дело создания современного советского спектакля. На его сцене, где впервые была поставлена «Любовь Провала», во время Великой Отечественной войны среди других актуальных произведений появилась пьеса Всеволода Рокка «Инженер Сергеев». Ленинградский зритель знакомится с ней впервые. В образе Сергеева автор вложил душевную коллизию передового инженера-большевика, таланта иного строителя, творца, создателя, который должен пережить приходом немецких оккупантов собственными руками уничтожить свое детище — автоматическую электростанцию, самую совершенную в мире. Немцы, желая во что бы то ни стало сохранить станцию для себя, подсадили своего агента, предотвратившего взрыв. Но Сергееву удалось пережить приходом врагов расправиться с предателем. Отважный инженер до конца выдает себя за убитого им шпиона, входит в доверие немецкого командования и, жертвуя своей жизнью, взрывает станцию вместе с находящимися там фашистским генералом.

Весь интерес пьесы сосредоточен на фигуре Сергеева, окруженной бледными эпизодическими персонажами. Эту роль, впервые созданную артистом Межвинским, ленинградцы увидели в исполнении народного артиста УССР Н. В. Комиссарова. Массивная фигура, крупные, выразительные черты умного доброго лица, приятного тембра низкий голос вместе с внутренним обаянием, мягкостью и тактом позволяют Комиссарову создать простой и правдивый образ. Инженер, влюбленный в свою творческую работу, спокойный и строгий директор станции, добрейший отец и муж — таковы грани этого образа. Но острее всего положены пьесы, написанной в приемах близкого к детективу, обнаруживают скрытые за располагающей к себе, но обыденной внешностью основные черты характера Сергеева: железную волю в исполнении своего долга, стремительную находчивость, высшее мужество, какое только может проявить человек, гибнущий по своей воле во имя интересов родины. Недостаточно глубоко чувствующий в ряде спокойных, раздумчивых сцен, Комиссаров в действенных вусах, особенно в последней картине, заражает волнением, силой душевных переживаний Сергеева.

Выразительно и тактично играет П. И. Леонтьев роль предателя Талькина.

Вторым спектаклем Малый театр показал довоенную работу — «Пигмалион» Бернарда Шоу. Пьеса эта в противоположность «Инженеру Сергееву» хорошо знакома ленинградцам, знакомым со постановками Театра имени Пушкина, где многое — сильнее, чем у москвичей, в частности, образ профессора Хиггинса, исполняемый Л. С. Вильелом. Роль Дулитла чудесно играет В. А. Владиславский, но наш Б. А. Жуковский, мне кажется, глубже, тоньше, юмор его ближе к Шоу. Е. Д. Турчанникова поразительной мягкостью, по ее трактовка та же, что у Е. Т. Макаревой.

Малый театр в данном спектакле имеет только одно преимущество, но, правда, решающее: Зеркалову! Об ее исполнении, удостоенном в свое время Сталинской премии, писали много: только на днях вышла книга «Актёры и роли», где есть обстоятельная запись — анализ ее Элизы Дулитл, полуидеальной уличной цветочницы, превращающейся на наших глазах со всей полнотой внутренней логики характера в сознательного, благородного человека. Трудно описать всю прелесть созданного артисткой образа. Вы видите, как, спасаясь от ливня, появляется эта неулыбчивая замарашка, олицетворение беспарий и принаженности, существо душевно-бесформенное, одичавшее и внутренне чистое одновременно, вы слышите немые мыслимые интонации ее уличного жаргона, речь, которая превращается в какое-то «защитное» хныканье и неслепое причитание всякий раз, когда ей кажется, что ее хотят обидеть.

Сколько мягкости, артистичности, благородства в изображении вульгарных манер дочери мусорщика вносит Зеркалова! Вы видите Зеркалову — Элизу, когда она, выпрашиваясь в свои обноски, важно приежает в «такси», чтобы брать уроки изящного произношения у профессора Хиггинса. Вот она в первый раз вышла в свет и, начав «интеллигентный» разговор о погоде, нелепо соскакивает на уличный жаргон и все время взглядом следит за своим наставником, хотя вряд ли понимает, как жестоко провалилась на этом испытании.

Зеркалова не издается над Элизой, она ей глубоко сочувствует, видит в ней человека, понимает всю тяжелую и безрадостную жизнь бедной девочки, выгнанной на улицу пьяниной-отцом и махехой. И вместе с тем она по-настоящему комедиант. Там, где Зеркаловой нужно играть трагедию Элизы, оскорбленной тем, что ее третируют, как вещь, она далека от глубокого потрясения: она все делает хорошо, но мы видим, как она это делает. Зато в последнем акте Зеркалова какими-то неуловимыми приемами поднимается на высоту, о возможности которой мы, смотря ленинградский вариант «Пигмалиона», даже не подозревали: она и боится стесает Хиггинса, и любит его, и негодует на его слепоту. Диалог она ведет совершенно, но еще больше, чем слова, знают ее молчание, взгляды, движение чувства.

Ленинградцы желали бы видеть те спектакли Малого театра, которые с большей полнотой, чем привезенные, раскрывают основную линию работы этого замечательного коллектива. Но и в показанных постановках были моменты настоящего праздника искусства.

И. МИШИН

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА

26 ИЮЛ 1949